

150 КАК ЭТО БЫЛО...

Игорь РОДИН*г. Москва*

ВАЛЕНТИНЫЧ

Советский Союз приказал долго жить в 1991 году. С тех пор минуло более 30 лет. Выросло не одно, а даже целых два поколения, которые никогда не жили при Советской власти. Бытие того времени постепенно смещается в область мифов и легенд. Кинематограф изображает быт СССР в виде благой картинки, подернутой кремовой сепией, где по улицам ходят дамы в нарядах стиля «пин-ап», а мужчины одеты в широкоплечие пиджаки голливудского покроя и шляпы а-ля Аль Капоне.

Я не против кинематографа. Я против вранья.

В мире нет ничего абсолютно хорошего и абсолютно плохого. Действительность – всегда смесь, в которой не так просто разобраться. В СССР, безусловно, было и хорошее, но все остальное, прямо скажем, сильно перевешивало. И все же я с благодарностью вспоминаю те времена. И людей, оставшихся в том, уже столь далеком прошлом.

Сейчас я хочу вспомнить только об одном человеке. Не выдающейся личности, не гениальном ученом, не политике и не ударнике производства. Он не был ни тем ни другим. Даже добрым не был. На земле после себя он не оставил никаких следов. Но зато почему-то отпечатался – нет, не в душе, – а в мо-

ей памяти. Может, потому, что пытался быть чуть свободней, чем другие люди? Вполне вероятно.

Итак, начнем.

Современным людям, особенно выросшим в постсоветскую эпоху и привыкшим к лояльному отношению государства к своим гражданам, сложно понять, под каким прессингом жил обычный советский человек. А запрещенного в стране тогда было на удивление много. Было запрещено иметь свой, хотя бы маленький, бизнес (все частные портные работали нелегально), перепродавать вещи (только через государственные комиссионные магазины), пользоваться ксероксом и другой копировальной техникой (а вдруг ты напечатаешь антиправительственные листовки), самостоятельно издавать книги, а уж тем более газеты (все издательства были государственные и подцензурные), ездить за границу (а вдруг ты там останешься), иметь свою собственную квартиру (все квартиры были арендованы у государства), свободно покупать машины (машин было мало, и право ее купить надо было еще заслужить), работать на нескольких работах и получать при этом полную зарплату (а вдруг ты начнешь жить лучше, чем остальные), не работать вообще (значит, жи-

вещь на нетрудовые доходы), ходить в рестораны (это делалось только в исключительных случаях – на свадьбу или юбилей, оттого ресторанов было на удивление мало) и так далее все в том же духе. Это подчеркивало одну простую мысль, высказанную в свое время еще Владимиром Маяковским: «единица – вздор, единица – ноль». А государство, по логике вещей, – это все.

Поскольку практически любая вещь была под запретом (а что не было запрещено, то балансировало на грани), у населения оставалась чуть ли не единственная отдушина – чтение. Видимо, поэтому мы тогда считались самой читающей страной в мире. Однако и здесь было не все так гладко.

Книг печаталось много. Даже очень много. Но большую часть из изданного составляла идеологическая макулатура, которую, естественно, никто не покупал. Она годами лежала в магазинах, а потом ее просто списывали и грузовиками вывозили на свалку или в пункты приема вторсырья. При этом купить не то что хорошую современную, но даже классическую литературу было чрезвычайно трудно. Лично мне в этом отношении было несколько легче, поскольку отец у меня работал в типографии издательства «Правда» и работникам периодически в качестве поощрения выдавали всевозможные собрания сочинений, которые там печатали. Хотя сам он их и не читал, домой приносил исправно, так что книжный шкаф у нас был забит под завязку. Чтением в семье увлекался я один, поэтому данный предмет мебели был полностью в моем распоряжении.

В то время как раз для удовлетворения спроса населения на книги государство специально разработало программу по сдаче макулатуры. Как одно связано с другим, было не совсем ясно, но отныне, для того чтобы купить какую-нибудь ходовую книгу, ты должен был сдать 20 кг (и более) макулатуры. По всей стране были организованы пункты приема вторсырья. Механизм был следующий – тебе выдавали абонемент на какую-либо книгу, потом ты наклеивал на него специальные марки, соответствующие тому, сколько макулатуры ты сдал. На каждой марке так и было написано: «5 кг», «10 кг», «20 кг» и т.д. Когда наклеенных марок в сумме набиралось 20 кг, ты шел с этим абонементом в магазин и покупал (за деньги!) книгу. То есть абонемент предоставлял тебе лишь право купить товар. «Макулатурные» книги издавались громадными тиражами – от 5 млн экземпляров и выше. Среди авторов были в основном «приключенческие» зарубежные писатели – А. Дюма, Д. Лондон, М. Дрюон и др. Возможно, нововведение было полезным. Но оно имело ряд последствий. Во-первых, пионеры перестали собирать макулатуру. Произошло это по той простой причине,

что им теперь ее не давали – причем как родители и соседи по лестничной клетке, так и жители района. Во-вторых, с бумажных и картонажных фабрик начала в массовом порядке пропадать продукция (ее воровали с целью последующей сдачи в пункты вторсырья). Если раньше на «Правде» газеты и журналы тырили в основном для того, чтобы почитать, то теперь их выносили чуть ли не в десять раз в больших объемах для того, чтобы увязать в пачки и отнести в конце недели в макулатурную будку, каковых по городу было понастроено огромное количество. Поскольку в СССР то, что было трудно достать, автоматически становилось элементом престижа, у всех дома, будто в библиотеке, обязательно стоял шкаф с книгами. Даже у тех, кто в жизни не прочел ни одной из них и от роду имел три класса образования.

Для пополнения запасов книг имелся еще один источник – букинистический магазин, куда граждане сдавали по какой-либо причине не нужную им литературу. Здесь царил маленький оазис рыночных отношений, поскольку принимали тут только то, что потом можно было продать. Кроме того, здесь от твоих личных усилий напрямую зависел результат. Вызнал каким-то образом, что именно вчера сдавали граждане, встал утром пораньше – вполне можешь эту книгу купить.

Букинистических магазинов было много разбросано по всему городу, и вокруг каждого складывался своего рода «клуб по интересам», некий кружок завсегдатаев, которые хорошо знали друг друга, обменивались литературой и даже иногда занимали друг друга очередь.

Букинист принимал товар по прейскуранту. У него имелось несколько томов со списками ходовых книг, на которые государством были установлены специальные цены. Хотя они и были выше того, что указывалось на книге изначально, но все же намного ниже той цены, за которую хорошую книгу при желании можно было сбыть с рук. Поэтому часть завсегдатаев «клуба» специализировалась на перепродаже. Их не уважали и презрительно называли «барыгами». Впрочем, барыг в «клубе» было мало. Они в основном паслись там, где продавался антиквариат, т. е. дореволюционные издания. Магазинов таких в Москве имелось всего три или четыре, самые известные – в Столешниковом переулке и на проспекте Маркса (теперь Театральный проезд). Возле последнего располагался памятник Ивану Федорову, а сам магазин так и назывался – «Книжная лавка первопечатника Ивана Федорова». Надо сказать, издания XVII – XIX веков стоили приличных денег. Говорили, что кто-то на них очень неплохо зарабатывает. Но это был опасный бизнес. Любителей старины и коллекционеров все-

возможных дорогостоящих предметов среди советских людей насчитывалось мало, поэтому они все были, как говорится, «на крючке» – причем одновременно и у милиции, и у криминальных элементов. Для подавляющего же большинства населения все это было настолько далекой от жизни тематикой, что воспринималось, скорее, как экзотика или бессмысленное чудачество.

Помню, как-то раз, будучи старшеклассниками, мы болтались в одном из дворов на улице Мишина. В компании было человек пять. Внезапно к нам подошел подвыпивший мужчина с большим свертком в руках. По всему было видно, что пребывает он в прекрасном настроении и жаждет им поделиться с окружающими. Не помню уже, о чем шла речь, но через минут пять тот предложил выпить и даже достал початую бутылку вина. Слово за слово, и он поделился причиной своего приподнятого настроения.

– Знаете, что это такое? – спросил он, указывая на сверток.

Мы пожали плечами.

– Это Коровин! – мужчина обвел всех торжествующим взглядом.

– Кто?

– Константин Коровин... Ну, картина его. Полтора года деньги собирал. Две с половиной тысячи отдал.

Он оторвал часть обертки от свертка, и мы увидели кусочек картины. Надо сказать, пейзаж, нарисованный на старом холсте, нас совершенно не впечатлил. Покивав для приличия головами, мы допили вино и пошли по домам, недоумевая, как какая-то картина может столько стоить. Мой отец, например, зарабатывал столько за год.

– Псих какой-то, – решили мы. – А скорее всего, просто наврал.

Как я позже увидел, подобного рода «психов» было не так уж мало. Вокруг букинистического магазина на Масловке их толклось по меньшей мере человек пять. Один был дед – в очках, заклеенных скотчем. Он собирал военные мемуары, причем, судя по его рассказам, у него их было несколько тысяч. Другой – толстяк, розовощекий и с удивительно писклявым голосом. Тот коллекционировал книги о путешествиях и приключениях. Мрачный долговязый тип по кличке Студент скупал всю фантастику, какая ему попадалась под руку. Но самым примечательным было то, что среди этих «завсегдатаев» был мой сосед по лестничной клетке. Звали его Слава. Лет ему было под тридцать, ходил он все время в одних и тех же замусоленных брюках, с собой носил прочную холщовую сумку, куда складывал купленные книги. Судя по всему, основная часть денег уходила у него на букинистические забавы, поэтому жена от него

ушла, оставив наедине с его единственной страстью. Периодически мы с ним сталкивались у магазина перед открытием. Общение ограничивалось приветствием, поскольку у Славы постоянно был такой вид, словно он куда-то страшно торопится. Круг его интересов не ограничивался одним магазином, поскольку несколько раз я встречал его и в Столешниковом, и у Ивана Федорова. Похоже, страсть поглотила его целиком, без остатка. По ряду признаков можно было заключить, что он поменьше «барыжит», но ничего более конкретного он о себе не сообщал.

Еще раз я столкнулся с ним спустя много лет – уже в конце 90-х. На «Динамо» я не жил уже лет восемь. За это время началась и закончилась эпоха «гласности», приказал долго жить СССР, население лечили с помощью «шоковой терапии», финансовых пирамид и «ножов Буша», страной рулил, выписывая свои «загогулины», равнодушный к спиртному президент, а государственными делами заправляла «семибанкищина». Какими-то судьбами меня, помню, занесло на метро «Аэропорт». Задумавшись, я шел по перрону, как вдруг меня кто-то окликнул. Я обернулся. Передо мной стоял импозантный мужчина в длинном коричневом кожаном пальто, в шляпе и с портфелем в руке.

– Привет! – сказал мужчина, широко улыбаясь.

Я вгляделся в его лицо.

– Слава?!

И действительно, это был он. От бывшего внешнего облика не осталось и следа. При взгляде на него никто не мог подумать, что этот человек когда-то ходил в замусоленных штанах и с холщовой сумкой через плечо. Я был поражен произошедшей в Славе перемене и рассеянно слушал, как он рассказывает о себе. Оказалось, что теперь он еще с парой партнеров владеет антикварным магазином в районе Большой Никитской. Там продается все, начиная от фарфора, столового серебра и заканчивая книгами и иконами. Слава купил себе большую квартиру, машину и дачу, обзавелся новой молодой женой... Однако чем дальше он рассказывал, тем больше меня что-то настораживало в его облике. Я вгляделся внимательнее и внезапно понял. У Славы пропал блеск в глазах. Не было больше того азарта вышедшего на промысел заядлого охотника, который я видел раньше. Во взгляде сквозила апатия и бесконечная скука.

– К сожалению, предметов остается все меньше, – жаловался Слава между тем. – Большая часть уже разошлась по коллекциям. Приходится ездить по провинции, искать... Чувствую, надо во что-то еще вкладываться...

Он еще что-то говорил о тяготах жизни и сложнос-

тях антикварного бизнеса, но я уже видел, что и это, в принципе, его не очень волнует.

Скоро мы распрощались и больше никогда не виделись.

Пару раз потом, размышляя о парадоксальной природе человека, я вспоминал о Славе и думал над тем, когда он был счастливей – стоя в очереди возле букинистического магазина с холщовой сумкой наперевес или потом, с машиной, дачей, антикварным бизнесом и молодой женой. Но так и не смог дать на этот вопрос внятного ответа.

И все же самым запоминающимся персонажем среди всех этих любителей книг являлся вовсе не Слава. Им был некто Валентин Валентинович, приемщик букинистической литературы из магазина на Масловке. Это был уже пожилой человек, лысый, близорукий и колченогий, постоянно исполненный сарказма, будто змея яду. В дальнем конце магазина у Валентиныча была специальная фанерная будка, где он осуществлял приемку. Прилавков находилось высоко, и над ним только торчала, будто редиска из земли, лысая голова с колоссящимся сверху редким седоватым пушком. Любимым развлечением Валентиныча было интеллектуальное измывательство над посетителями. Какую-нибудь тетку колхозного вида, сдающую книги, он начинал расспрашивать об их содержании, со студентами затевал состязание на предмет, кто больше знает латинских афоризмов, при общении с теми, кто претендовал на звание интеллектуалов, любил выискать книгу, которую они не читали, и смотреть, как те мнутя, краснеют и смущаются. Людям он не только не симпатизировал, но и, по всей видимости, глубоко их презирал. С тетками-сослуживицами из магазина он тоже был не особо любезен, поэтому они его недолюбливали. Сам себя он представлял, похоже, этаким Диогеном, который, сидя в бочке, периодически изрекает мудрые мысли. С отдельными личностями он был более откровенен, чем с остальными. К последним относился и я. Не знаю, почему Валентиныч проникся ко мне доверием, но в приватной беседе как-то раз даже сообщил, что сочиняет книгу собственных афоризмов. Печатать и вообще опубликовать написанное он не пытался, и не только из-за того, что плоды его мизантропии вряд ли кто-то стал бы печатать. Просто мнение читателей, как и в целом людей, его мало интересовало. Афоризмы свои он называл «цинизмами» и периодически, когда я приходил в магазин, их изрекал, удовлетворенно наблюдая, какое впечатление они производят. Часть из них (вкуче с интересными случаями и диалогами) я в свое время записал и даже попытался классифицировать по темам. Вот некоторые из них.

1. Книги делятся на «читаемые», «меняемые» и «дорожаемые».

2. В каждой книге есть доля фиги.

3. Чем книга нуднее, тем она элитарнее.

4. Чем глупее книга, тем быстрее она покупается.

5. В книге вообще главное переплет, потому что содержание у них приблизительно одинаковое.

6. Если книга не продается, то ее надо продавать из-под полы под видом страшного дефицита.

7. Книга, как девушка, должна быть толстой и глупой.

8. Ничто не может испортить художественное произведение больше чем мораль.

9. У писателя на лице обязательно должна присутствовать обильная растительность – для того, чтобы скрывать от окружающих его ехидную ухмылку.

10. Поэт должен быть злым и голодным. А прозаик наоборот – добродушным и сытым.

11. Все поэты – потенциальные арестанты.

12. Лень есть свидетельство высшей мудрости.

13. Достоевский в свободное от работы время занимался достоевщиной. А Толстой – толстовщиной, но у него выходило намного хуже.

14. Пушкин? Его выпороли. Однажды Бенкендорф пригласил его к себе, и когда поэт вошел в кабинет, пол под ним провалился. В подвале оказались два дюжих гренадера, которые стащили с Пушкина штаны и всыпали по первое число. С тех самых пор Пушкин если видел, что кто-то на улице улыбается, то думал, что этот человек знает о порке и смеется над ним, а потому подбегал к обидчику и без лишних разговоров вызывал на дуэль.

15. Русские писатели занимались исключительно тем, что: либо распускали слюни по любому поводу, либо исследовали патологическую личность. Или вообще сочетали полезное с приятным: распускали слюни, исследуя патологическую личность, причем подчас из-за того, что не нашли в личности патологии, а иногда из-за того, что в патологии не обнаружили личности.

16. Как институт старчества выродился в Толстом, так в Достоевском пришло к своему логическому завершению другое отечественное явление – юродство.

17. – Что такое Эзопов комплекс?

– Может, Эдипов?

– Нет, Эзопов.

– Не знаю.

– Эзопов комплекс – это твердая убежденность в том, что художественное произведение, которое ты с увлечением пересказываешь в кругу знакомых, интересно хоть кому-то еще, кроме тебя самого.

Помимо книг и литературы, Валентиныч высказывался и относительно более общих проблем. Например, о людях и человечестве в целом. Каждый афоризм прямо-таки дышал гуманизмом, человеколюбием и вообще – добрым отношением к ближнему.

1. Люди любят, когда их бьют.
2. Люди любят, когда их унижают.
3. Люди любят, когда их обманывают.
4. Человек не должен думать, должны быть отработанные рефлексy.
5. Обманывая ближнего, мы совершаем благо, так как это не дает ему возможности расслабиться и потерять спортивную форму.
6. Обманывать нельзя ради выгоды, это надо делать ради удовольствия.
7. У человека надо отобрать все и, посадив перед миской с тюремной баландой, сказать: «Вот твой идеал».
8. Тюрма – это единственное место, где есть свобода.
9. Я не люблю людей. И вряд ли бы стал любить, даже если бы было за что.
10. Скоро земля сбросит с себя эту плесень – человечество.

А вот так Валентиныч относился к интеллигенции, которую, подобно русскому философу Бердяеву, сильно недолюбливал.

1. – Основной чертой русской интеллигенции всегда была и остается духовная трусость.
 - Неужели у всей?
 - У всей. Вот, помню, была такая история. Однажды художник-авангардист Коновалкин (он сотрудничал с журналом «Мурзилка») и врач-терапевт из МОНИК Сапелкин напились, вследствие чего между ними завязалась философская беседа. И вот они говорили-говорили, говорили-говорили, говорили-говорили, пока не облили грязью все, что только можно было облить. Увидев же, в какую бездну цинизма завел их разговор, Коновалкин вдруг взвизгнул:
 - Но я тем не менее демократ!
 - Я тоже, – испугавшись, отозвался Сапелкин.
 - А моя совесть чиста, – вмешался тут я в разговор. – Я никогда не был и не буду демократом.
 - 2. Интеллигенция (она же хранительница духовности), подобно попам, осуществляет посредническую деятельность между землей и небом. Причем и те и другие живут исключительно на проценты.
 - 3. Интеллигент – это не образ жизни и не характеристика уровня умственного развития, а профессия, причем почти всегда неплохо оплачиваемая.

4. Интеллигенты, как и все остальные люди, стучат на соседей, но, в отличие от прочих, делают это интеллигентно.

Иногда старый мизантроп вступал со мной в пространные беседы, где высказывал свои взгляды на мир и его устройство.

1. Мораль – как подкладное судно, ею начинают пользоваться лишь тогда, когда дух и тело одолевает немощь.
2. Все моралисты – торговцы фиговыми листьями. При благоприятной погоде их товар еще находит сбыт, но при первом же похолодании неминуемо падает в цене.
3. Как свидетельствуют ученые, любая эпоха в истории России представляет собой либо кризис, либо переломный момент на пути от чего-то к чему-то. Тогда, судя по всему, расцвет России приходится на татаро-монгольское иго как на наиболее спокойное время в ее истории.
4. Умудряться жить хорошо, имея ограниченные ресурсы, – ремесло, но жить плохо, имея неограниченное количество ресурсов, – уже искусство.

5. Как-то я прочитал роман современного писателя Анатолия Кима под названием «Белка». Он показался мне интересным, и в разговоре с Валентинычем я о нем упомянул.

- Вы читали роман Анатолия Кима «Белка»?
- Нет. А о чем он?
- О том, что люди – оборотни. Полузвери. Насколько людей почти нет...
- Я это знаю и так. И для этого мне вовсе не обязательно читать толстый роман Кима...
- 6. В другой раз речь зашла о женщинах и женитьбе. Кажется, это было на последних курсах института, и я тогда собирался жениться в первый раз. Услышав об этом, Валентиныч неожиданно заявил:
 - Женятся только очень легкомысленные люди. Я удивился, поскольку знал, что тот женат.
 - А вы? – поинтересовался я.
 - Тот покачал головой.
 - В молодости я был очень легкомысленным человеком...

К деньгам Валентиныч относился философски, то есть с подозрением, что они могут лишить его высшей жизненной ценности – свободы. Поэтому он не использовал и сотую долю возможностей, которые ему предоставляла его должность.

- Валентин Валентинович, – спросил я как-то его.
- Неужели вы не хотите разбогатеть?

- Нет.
- Почему?
- Валентиныч пожал плечами.
- Я и так счастливый человек.

Работой своей Валентиныч был доволен. С одной стороны, она давала ему средства к существованию, с другой – предоставляла доступ к книгам, которые были столь дороги его сердцу, с третьей – поднимали его надо всеми остальными работниками магазина, придавая ореол исключительности и какой-то избранности.

К окружающей советской действительности он относился с нескрываемым отвращением, но диссидентство, как и любое злопыхательство, считал занятием никчемным, впустую потраченным временем. Политбюро, генсеки, очередные и внеочередные съезды партии не заслуживали его внимания. Как и всеобщий дефицит, нехватка в магазинах товаров первой, второй и третьей необходимости. Он привык, как Диоген, довольствоваться малым. Одним словом, его самореализация не была связана с социумом. Ему не надо было ничего никому доказывать, строить карьеру, выискивать возможности, приобретать полезные знакомства. Он словно смотрел на всю эту нелепую суету со стороны и искренне посмеивался над человеческой глупостью и алчностью. Меня, молодого человека, преисполненного наполеоновских планов относительно своей будущности, это сильно удивляло. И интриговало в то же время. Я искренне хотел «разгадать» этого человека, понять столь нетипичное для рода человеческого поведение.

Как-то раз Валентиныч проболтался, что у него есть лишний экземпляр пьес Сартра и что он готов обменять его на «Игру в бисер» Гессе. Я, естественно, ухватился за это предложение, поскольку Сартр на русском языке выходил только один раз и его не было даже в нашей институтской библиотеке. Мы условились о встрече, и я отправился по своим делам. В конце рабочего дня я заехал домой, взял нужную книгу и подошел к магазину. Вскоре появился Валентиныч. Книги у него с собой не было, поэтому мы отправились к нему домой, на «Сокол».

Был июнь. Вокруг расстился геометрически правильный бульвар имени какого-то маршала. Аккуратными рядами, в затылок друг другу стояли деревья. Вокруг возвышались сталинские дома 50-х годов постройки. Несмотря на чудный вечер, все вокруг было какое-то серое и поблекшее. Валентиныч, прихрамывая, шел и в задумчивости

ковырял пальцем в носу. В другой, свободной руке у него болталась авоська с покупками. По дороге попался киоск «Спортлото», и Валентиныч остановился возле него. Купив два билета, он неожиданно обернулся ко мне и сказал:

– Вообще, я шопенгауэровец. У меня дома есть дореволюционный четырехтомник Шопенгауэра и его портрет.

Я не знал, как на это реагировать, потому промолчал.

Наконец мы дошли до старого дома, выкрашенного в бледно-желтый цвет. Кое-где по фасаду виднелись облупившиеся гипсовые завитушки, столь обычные для эпохи сталинского ампира.

Подъезд был темным. Для того чтобы войти в него, следовало не как во всех домах – подняться, а наоборот – спуститься на две ступеньки вниз. Внутри пахло крысами.

Валентиныч подошел к двери, гремя ключами, и вдруг как-то весь напрягся.

– Замка нет, – сказал он почему-то шепотом. – Жена дома!

Я молчал, поскольку не понимал, что все это означает. Единственное, меня как-то удивило, что Валентиныч, уходя на работу, запирает квартиру на висячий замок.

– И что? – спросил я наконец.

– Поменяюсь во вторник, – так же шепотом ответил букинист.

– Какой вторник! Я уезжаю в отпуск.

– Ну, после отпуска.

– Да вынесете вы книгу, в чем проблема?

– Она не даст, – Валентиныч затравленно огляделся. – Она мои сумки проверяет.

– Выйдете за газетой будто.

– Она не выпустит. Она что, дура?

Надо сказать, такая странная аргументация поставила меня в тупик. Я просто не знал, что сказать.

– Что это она вас так? – наконец заинтересовался я.

– Щитовидка, – забормотал в ответ Валентиныч. – Щитовидка у нее. Ну, ладно, слово даю, что поменяю...

Пожав мне на прощание руку в знак того, что обещание подлежит обязательному исполнению, он неслышно шмыгнул за дверь.

Некоторое время я стоял в темном, пахнущем крысами подъезде. Потом повернулся и отправился домой. В первые минут десять мне неудержимо хотелось смеяться. Но потом настроение изменилось на более отстраненное и философское. «Если на то пошло, – решил я, – даже у Сократа была своя Ксантиппа, что уж говорить о нашем Валентиныче».

Примечательно, что после этого случая облик книжного Диогена перестал мне казаться таким уж желчным и злобным. Он словно стал своим, домашним. И даже где-то симпатичным. Тем более что слово он свое сдержал – поменял-таки книгу после отпуса.

С началом перестройки стало ясно, что скоро расцвету букинистической торговли придет конец. Внезапно разрешенная частная издательская деятельность буквально за год всколосилась пышным цветом, породив «книжный бум». На прилавки мощным потоком хлынуло то, что раньше было в дефиците или даже вовсе запрещено. Частная книжная торговля выплеснулась из недр издательств и заполонила центральные улицы города – Калининский проспект, Арбат, Кузнецкий мост... всех и не перечесть. Книги быстро теряли свою важность, исключительность и элитарность, превращаясь в обыкновенный товар, продающийся за столько, за сколько его можно было продать.

Я все реже заходил к Валентинычу. Да и он становился все менее словоохотливым. Теперь он практически не выходил из своей будки.

Через некоторое время половину книжного магазина сдали в аренду под продажу какого-то барахла и автомобильных запчастей. Будку Валентиныча ликвидировали, а его самого перевели за прилавок. Его мрачный сарказм, видимо, теперь не устраивал посетителей, и он, похоже, получив хороший нагонный от начальства, старался быть приветливым и даже пытался улыбаться.

Именно таким я и видел его в последний раз.

Прошло года три, и книжный магазин ликвидировали вовсе. Я в это время жил на другом конце города. Очутившись по случаю рядом, я решил зайти в знакомый книжный, но на его месте увидел (в соответствии с веяниями нового времени) фешенебельный магазин с вывеской на иностранном языке, торгующий джинсами и джинсовой одеждой. Не осталось ничего, что бы напоминало о той, прежней жизни. Как говорится, кануло в Лету, превратившись в воспоминание, в миф о том, что было до начала времен.

Я ехал домой и вспоминал Валентиныча. Интересно, хоть кто-нибудь еще вспоминает о нем? Что он оставил после себя? И куда делась книга его афоризмов? Хоть Валентиныч и не тянул на Монтеня или, скажем, Ларошфуко, все же что-то в его творчестве было. Может, искренность, которой так не хватало в эпоху тотальной лжи? Не знаю. Как не знаю и того, где и как закончил свою жизнь букинистический Диоген. Впрочем, вряд ли это очень важно.

Игорь Олегович РОДИН

родился в 1965 году в Москве.

Писатель, переводчик, драматург,

автор более 200 книг, выпущенных массовыми тиражами.

Член СП России.

Победитель литературных конкурсов

им. И. Крылова, Ф. Достоевского, А. Куприна, А. Блока.

Награжден медалями «За вклад в литературу XXI века»,

«За мастерство и подвижническую деятельность

во благо русской литературы».

В журнале «Север» публикуется впервые.

